



О.А. Киселева

Вологодский государственный университет

О ВЛИЯНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1861–1865) НА ХАРАКТЕР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

В статье анализируются изменения во внешней политике США, вызванные завершением Гражданской войны и сменой политических элит. Прослеживается рост экспансионистских настроений и вскрывается их преимущественно декларативная суть. На основе изучения исторических источников автор доказывает крайне противоречивое влияние войны между Севером и Югом на внешнеполитический курс США.

Аннексия, внешняя политика, Гражданская война, панамериканизм, Реконструкция, флот, экспансия.

Вопрос о влиянии Гражданской войны (1861–1865) на характер внешней политики США крайне актуален как с исторической, так и с политологической точек зрения. С одной стороны, в научной литературе он исследован гораздо менее детально, чем последовавший за ним период, традиционно называвшийся «империалистическим». С другой стороны, его анализ позволяет поставить исключительно важный в современных условиях вопрос – о корреляции смены правящих элит и трансформации внешнеполитического курса США.

Конфликт между Севером и Югом, ставший самым кровопролитным в истории американского государства, имел глубочайшие экономические, социальные, политические, культурные и этнопсихологические последствия. Едва ли не главным среди них стала смена состава политического класса на федеральном уровне – в Вашингтоне. Завершилось характерное для довоенного периода преобладание рабовладельцев Юга, стремившихся к овладению южными и юго-западными землями, пригодными для ведения плантационного хозяйства. Главными тактическими средствами реализации их усилий было насильственное или оформлявшееся в виде покупки присоединение к Североамериканской республике новых территорий. После поражения Юга (1865) инициатива формирования и публикации внешнеполитических приоритетов перешла в руки элит Севера, сумевших, хотя и с трудом, консолидировать в своих руках общегосударственные управленческие институты, создать условия для беспрецедентных темпов развития национального хозяйства.

Вопрос о роли Гражданской войны в народно-хозяйственной истории США до сих пор является предметом пристального внимания зарубежных исследователей. Несмотря на существование различных подходов и оценок, большинство авторов признает, что конфликт с Югом и последовавшая победа Севера имели крайне благоприятные последствия в средне- и долгосрочной перспективе. Они подтолкнули возникновение инновационных для США отраслей индустрии, в частности машиностроения, что привело к

качественному обновлению технической базы производства, повышению нормы прибыли сначала в связи с огромным количеством военных контрактов, а затем – в связи с развернувшейся конверсией предприятий [2, с. 167]. Несомненно, не менее, а еще более важные условия для развития внутреннего рынка, изменения структуры хозяйствования и, в конечном итоге, завоевания Соединенными Штатами нового статуса на мировой экономической арене были созданы благодаря ликвидации рабства (1863) и принятию Закона о гомстедах (1862), резко расширивших ареал локализации фермерских хозяйств. На крупных фермах Запада стали использовать паровые тракторы, молотилки, другие машины. В результате на рубеже 1870–1880-х гг. США стали одним из наиболее значительных экспортеров зерновых культур, покрывавшим около половины потребности стран-импортеров хлеба.

Во время Реконструкции (1865–1877) Штаты начали превращаться из сельскохозяйственной в мощную индустриально-аграрную державу: в 1870 г. общая стоимость промышленных товаров более чем в два раза превысила объем 1860 г. и достигла суммы в 4,23 млрд долл. В 1881–1885 гг. доля Североатлантической республики в мировом промышленном производстве составила 28,6% [8, с. 28]. По темпам наращивания своего материального потенциала США обогнали страну, являвшуюся индустриальным лидером мира, – Великобританию, хотя и продолжали от нее отставать по общему уровню промышленного производства. Таким образом, создавался своеобразный «трамплин» для формирования новой экономической и внешнеполитической платформы США. Это крайне настораживало современников. Так, премьер-министр Великобритании У. Гладстон продемонстрировал вполне реальный прагматизм, заявив в 1870-х гг., что «... Америка – единственное государство, которое в обозримом будущем сможет и, вероятно, лишит нас торгового первенства ... Мы вынуждены признать это, как когда-то признали Венеция и Голландия, смирившись с нашим, английским, превосходством» [1, с. 82].

Новая внешнеполитическая позиция Вашингтонской администрации была разработана и обнародована

на главами государственного департамента США – У.Г. Сьюардом (1861–1869) и Г. Фишем (1869–1877). У.Г. Сьюард, концепцию которого многие исследователи считают предшественницей будущих классических экспансионистских доктрин, в 1867 г. заявил: «Дайте мне уверенность, что никогда не будет незаконного сопротивления вооруженной силой президенту... Соединенных Штатов и дайте мне еще ... тридцать лет жизни, и я обещаю Вам во владение весь американский континент и контроль над всем миром» [6, с. 47]. Доказательства «естественности доминирования» Соединенных Штатов в Западном полушарии изложил преемник У.Г. Сьюарда на посту государственного секретаря – Г. Фиш, сказав: «...Вследствие того, что США первыми из американских государств завоевали независимость, создали стабильную государственную систему, имеют прочные правовые традиции и внушительный государственный бюджет, обладают безграничными внутренними ресурсами и населением с высокими интеллектуальными качествами, ...они облечены почетной обязанностью решать абсолютно все американские проблемы, включая проблемы самостоятельных государств и европейских колоний...» [9, с. 5]. Такие программные тезисы резонно оценивались современниками, российскими и многими зарубежными историками как явное свидетельство беспрецедентного роста экспансионистских настроений США во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. и начало качественно нового этапа их становления как державы с глобальными по характеру интересами. Но Г. Фиш, предложивший концепцию гегемонии США на американском континенте, оставил «открытыми» вопросы о путях ее достижения и средствах разрешения общеамериканских проблем. На наш взгляд, это – очевидное доказательство того, что подобные заявления носили преимущественно декларативный характер, а конкретные политико-дипломатические средства реализации сформулированных в них целей были предложены позже.

На рубеже 1870–1880-х гг. государственный секретарь У. Эвартс (1877–1881) выступил инициатором и активным пропагандистом идеи «посреднической миссии» США в делах латиноамериканских государств и в их связях с европейскими странами. Следующий шаг был совершен Дж. Блейном, возглавлявшим внешнеполитическое ведомство США в 1881–1882 и в 1889–1893 гг. Но если У. Эвартс намеревался реализовать свои планы путем заключения двусторонних договоров с латиноамериканскими правительствами, то Дж. Блейн – посредством создания Американского союза под эгидой США на платформе традиционной для них теории панамериканизма [3, с. 126].

В период же Реконструкции (1865–1877) произошло некоторое снижение политической активности США на международной арене. Это было обусловлено сосредоточением максимума усилий и ресурсов на решении внутриэкономических и политических проблем. Каких именно? Во-первых, необходимо было заселить и освоить значительные, захваченные еще до конфликта между Севером и Югом территории, которые в ходе войны не могли в полной мере быть интегрированы в состав США. Для этого требовалось время. Во-вторых, в связи с победой Севера (1865) и от-

крывшимися возможностями модернизации производства основные ресурсы поглощались внутренним, исключительно емким рынком для развития национального хозяйства. Наконец, в-третьих, политические партии были поглощены крайне напряженной борьбой по вопросам Реконструкции Юга, возвращения бывших рабовладельческих штатов в союз и восстановления федеративного государства. Неслучайно во время подготовки договора о приобретении Русской Америки (1867) в конгресс поступали многочисленные письма против покупки Аляски. Протесты высказывались на том основании, что США уже имеют большое количество «свободных» земель, а освоение полуострова связано с большими издержками и может, кроме всего прочего, осложнить отношения с Англией [12, с. 93]. Такая реакция являлась несомненным свидетельством настороженного отношения к активным внешнеполитическим действиям со стороны части американского общества, отдававшего безусловный приоритет внутренним проблемам и считавшего, что государство должно сосредоточиться именно на их решении.

Однако не стоит преувеличивать масштаб антиэкспансионистских настроений в Североамериканской республике той поры. Многие периодические издания выступали глашатаями откровенной имперской политики. Так, журнал «Харперс Уикли» поместил на своих страницах изображение дядюшки Сэма, поднимающего огромный американский флаг со словами: «Мои руки теперь свободны, и я хочу водрузить такой флаг, чтобы он покрыл как можно больше земли и солидную часть суши» [7, с. 253–256].

В самой правящей элите США существовали достаточно серьезные расхождения по внешнеполитическим вопросам, касающиеся в первую очередь направления экспансии. Во время администрации У. Гранта (1869–1877) президент и государственный секретарь считали наиболее стратегически оправданным овладение островами в Карибском и Тихоокеанском бассейнах в качестве опорных баз для американского торгового и военно-морского флотов. Противником продвижения в данные регионы выступал Ч. Самнер – один из лидеров радикальных республиканцев, руководитель (1861–1871) влиятельного комитета по иностранным делам Сената США, вследствие чего он ратовал за строгое соблюдение Вашингтоном нейтралитета в испано-кубинской войне (1868–1878), а позже организовал оппозицию договору об аннексии Доминиканской республики. Такая «непреклонная», как ее называли современники, позиция сенатора была вызвана отнюдь не отвращением к самой идее территориального расширения США, а опасением о том, что экспансия в южном направлении, требование которой было традиционным для плантаторов-рабовладельцев в первой половине XIX в., вновь обострит противоречия между северными и южными штатами.

Данные разногласия не исключали единодушия политиков по другому вопросу: о необходимости включения Канады в зону прямого влияния Соединенных Штатов. Более того, в этом вопросе именно Ч. Самнер выступил самым решительным образом. В знаменитом меморандуме Сената по вопросу об урегулировании отношений с Великобританией (1870) он заявлял, что уступка Англией Канады

в пользу США должна стать компенсацией ущерба, нанесенного англичанами американцам в результате поддержки Лондоном Конфедерации Юга во время Гражданской войны. Глава комитета по иностранным делам настаивал на том, что «уход Британии из доминиона есть необходимое условие соглашения. Для достижения всеобъемлющего урегулирования Великобритания должна уйти из Западного полушария вообще, включая провинции и острова» [5, с. 134–137]. Указанный меморандум с полным основанием можно рассматривать в качестве звена в логическом развитии доктрины Монро. Выдвигая в качестве условия соглашения с Великобританией ее уход с американского континента, Ч. Самнер был, несомненно, уверен в неизбежности подобной судьбы для всех других европейских держав. Приобретение У.Г. Сьюардом Аляски в 1867 г., положившее конец присутствию России в Западном полушарии, служило прецедентом в данном отношении.

Нельзя не отметить, что Гражданская война оказала и прямое отрицательное влияние на место Соединенных Штатов среди других крупных держав. Накануне конфликта США уже являлись серьезным соперником Великобритании на морях. В 1860 г. американский торговый флот занимал второе место в мире. Около семидесяти процентов всех американских товаров перевозилось на судах, зарегистрированных в США. Блокада южных портов, каперские операции конфедератов против флота северян подрывали позиции США в морском торговом судоходстве. К 1865 г. американский торговый флот составлял менее трети своих довоенных размеров [4, с. 111]. Это, несомненно, снижало способность американского бизнеса к активным торговым контактам с другими регионами. Серьезное влияние на внешнеполитические амбиции американской элиты и на ее поведение в возникающих конфликтах с различными странами мира, в частности с Англией, господствовавшей на море, оказывало плачевное состояние военно-морского флота. Если в конце 1864 г. он был одним из сильнейших в мире и состоял из семисот судов водоизмещением в полмиллиона тонн с пятью тысячами орудий на борту, то к концу 1870-х гг. в его составе было менее двухсот судов водоизмещением в двести тысяч тонн. Из них боеспособными, годными к морским военным операциям, были лишь пятьдесят два корабля [10, с. 165–166]. Причины упадка флота коренились в первую очередь в поглощении подавляющей части ресурсов внутренним рынком и в происшедшей смене социально-политических элит у власти. В 50-е г. XIX в. развитие военного флота было связано с реализацией экспансионистских планов рабовладельцев Юга. В послевоенный же период сложившийся еще в ходе гражданского конфликта альянс индустриального Северо-Востока и сельскохозяйственного Запада, нацеленный на освоение внутренних территорий и открывшихся сфер деятельности, на время отвлекся от внешних рынков, средств их захвата и защиты.

Среди политиков и военно-морских офицеров обострились разногласия по вопросу о стратегической роли и тактическом месте флота. В руководстве военно-морского ведомства была возрождена доктрина «пассивной береговой обороны». Сенатор Л. Моррилл, выступая в Конгрессе, убежденно заявлял: «Мы

не собираемся строить военно-морской флот для соперничества с Францией и Великобританией. Нам нужны только морские полицейские силы для защиты торговли в мирное время» [11, с. 712]. Такая тактика существенно сдерживала замену парусных судов бронированными пароходами, и в 1880 г. по размерам военно-морского флота США находились на двенадцатом месте в мире, уступая Дании, Чили и Китаю.

Сказанное выше вовсе не означало отсутствия внимания к проблеме необходимости воссоздания флота. Конгресс США санкционировал беспощинный ввоз ряда материалов, необходимых для судостроения, контролировал создание и функционирование отдельных линий морского сообщения. Но эти единичные усилия, при отсутствии системной политики, не вели к сколько бы то ни было существенным результатам. Это рождало сначала беспокойство, а затем недовольство и негодование в кругах, стремившихся к активной внешнеторговой политике. Неслучайно Дж. Блейн, будучи умеренным республиканцем, уверенным в неизбежности торгово-промышленного преобладания Соединенных Штатов Америки в мире, вспоминал: «Если бы Конгресс в течение шестнадцати лет после гражданского конфликта оказал судостроению хотя бы одну десятую часть той поддержки, которую получали с его стороны заводы, пути сообщения, индустриальные инициативы, то сейчас мы занимали бы на морях такую же непоколебимую позицию, какая принадлежала нам во второй половине 50-х гг. XIX в.» [3, с. 612–614].

Таким образом, Гражданская война оказала исключительно противоречивое влияние на внешнеполитический курс США. С одной стороны, несомненно эскалация экспансионистских устремлений части политической и экономической элиты страны, прежде всего, в Западном полушарии. В то же время во второй половине 1860–1870-х гг. эти устремления носили по преимуществу потенциальный характер и не могли быть реализованы в связи с тем, что ресурсы страны были востребованы для завершения реконструкции государства. Кроме того, отсутствовало важнейшее тактическое средство, необходимое для осуществления экспансии – сильный торговый и военно-морской флот. Эти последствия войны были преодолены к концу XIX в., и только тогда Североамериканская республика вступила в качественно новый этап внешнеполитического развития.

Литература

1. Allen, H.C. Great Britain and the U.S. A History of Anglo-American Relations. 1783–1952 / H.C. Allen. – USA: Archon Books, 1969. – 1028 p.
2. Bagwell, Ph.S., Mingay, G.E. Britain and America 1850–1939. A Study of Economic Change / Ph.S. Bagwell, G.E. Mingay. – London: Routledge & Kegan Paul, 1970. – XIV, 312 p.
3. Blaine, J.C. Twenty Years of Congress. From Lincoln to Garfield. With a Review of the Events which led to the Political Revolution of 1860: 2 vols. / J.C. Blaine. – Norwick, (Conn.): the Henry Bill Publ. Corp., 1884–1886. – Vol. 2. – 739 p.
4. Campbell, Ch.S. From Revolution to Rapprochement: The US and Great Britain 1783–1900 / Ch.S. Campbell. – New York: Wiley & Sons, 1974. – 239 p.
5. Davis, J.C. Bancroft. Mr. Fish and the Alabama Claims. A Chapter in Diplomatic History / J.C. Bancroft Davis. – Freeport (New York): Books for Libraries press, 1969. – 160 p.

6. Dennet, T. Seward' Far Eastern Policy / T. Dennet // The American Historical Review. – October 1922. – № 28. – Pp. 45–62.

7. Dozer, D.M. Antiexpansionism during the Johnson Administration / D.M. Dozer // The Pacific Historical Review. – 1943. – Vol. 12. – № 3. – Pp. 253–260.

8. Hyman, H. Heard Round the World. The Impact Abroad of the Civil War / H. Hyman. – New York: Wiley & Sons, 1969. – 280 p.

9. Lockey, J.B. Essays in Pan-Americanism / J.B. Lockey. – Berkley: Norton, 1939. – 262 p.

10. Sprout, H. The Rise of American Naval Power / H. Sprout. – Princeton, Princeton Univ. Press, 1944. – 372 p.

11. U.S. Congress. Congressional Globe, 1865–1873: 16 vols. – Washington: Government Printing Office, 1865–1873. – Vol. 7. – 1073 p.

12. U.S. Congress. Congressional Globe, 40th Congress, 2nd session. Appendix. – Washington: Government Printing Office, 1868. – 678 p.

O.A. Kiseleva

THE INFLUENCE OF THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–1865) ON THE USA FOREIGN POLICY

The changes in the foreign policy of the USA after the end of the Civil War are analyzed in the article. The growth of the expansive intentions and their declarative character are also described. Using historical sources, the author proves the contradictory influence of the Civil War upon the foreign policy of the USA.

Annexation, foreign policy, the American Civil War, Pan-Americanism, the Reconstruction, fleet, expansion.